
СЕРГЕЙ КЛЮЕВ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
роман
Ты можешь спасти только одного.
Выбирай.

Клюев Сергей
Читальный Зал

https://litres.ru/74711193
SelfPub; 2026

Аннотация

Джек Мерсер, бывший журналист, возвращается в родной городок Харлоу, штат Мэн, чтобы начать с нуля. Он работает библиотекарем, пьёт кофе у Эрни и старается не вспоминать Бостон. Но в ящике для возврата книг появляются книги, которых никто не писал. В них — имена жителей Харлоу и даты их смертей.

Сначала Джек думает, что это чей-то жестокий розыгрыш. Потом умирает первый человек. А затем Джек видит сон о собственной смерти — и понимает, что теперь может писать. Вписать в пустую книгу чужое имя. Спасти одного — и убить другого.

Книга всегда забирает своё. И Харлоу — не первый город, который она выбрала.

Содержание

Глава 1. Кофе у Эрни 4
Глава 2. Блокнот в клетку 16
Глава 3. Тридцать одна 33
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Клюев Сергей
Читальный Зал

Глава 1. Кофе у Эрни

Джек Мерсер проснулся за минуту до будильника. Так бывает с людьми, которые слишком долго жили по расписанию, а потом перестали ему доверять: организм запоминает время и будит тебя сам, без всяких там электронных побрякушек. Будильник на тумбочке показывал 6:43. Джек лежал и смотрел, как секунды меняются на крошечном экране, и думал о том, что если бы кто-нибудь спросил его, зачем он вообще заводит будильник, он бы не нашёлся с ответом. Привычка. Всё в его жизни теперь держалось на привычках, как старый дом держится на прогнивших сваях: кажется, что стоит, а на самом деле просто ещё не упал.

Он сел на край кровати. Половица под левой пяткой скрипнула — та самая половица, которую он так и не починил за три года. Дом на Первой улице был построен в сорок восьмом году, и все его половицы знали своё дело. Джек знал, что если наступить на третью от окна — она молчит, а если на четвёртую — скрипит так, будто ей больно. Он знал это лучше, чем имена соседей.

Окно выходило на улицу. Октябрь в Харлоу, штат Мэн,

пах дымом и мокрыми листьями. Небо было серое, ровное, как старый носок. Через дорогу миссис Пендлтон выгуливала своего бигля — старого, толстого, с глазами человека, который давно смирился со своей судьбой. Бигль нюхал каждый куст с видом аудитора, проверяющего отчётность. Миссис Пендлтон помахала Джеку рукой. Джек помахал в ответ. Они не разговаривали уже полгода — с тех пор, как он случайно сказал, что её пластиковые олени на лужайке выглядят «немного зловеще», — но махали друг другу каждое утро, и это была самая стабильная социальная связь в его жизни на данный момент.

Джек натянул джинсы, которые носил третий день, и серую футболку с логотипом «Бостон Глобус». Футболка была подарком бывшего коллеги, который до сих пор считал, что Джек вот-вот вернётся в журналистику. Джек не возвращался. Джек выдавал книги. В этом была своя ирония, которую он предпочитал не анализировать — как и большинство вещей в своей жизни.

Он вышел на крыльцо, запер дверь — не потому что в Харлоу кто-то воровал, а потому что привычка, — и сел в свой «Форд Фокус» две тысячи девятого года. Машина стоила меньше, чем костюм, в котором он когда-то брал интервью у губернатора. Он завёл двигатель, и «Фокус» заурчал, как старый кот, которого разбудили слишком рано.

Городок проплывал мимо. Дом Мэри Лу Хэнсон с пластиковыми оленями. Методистская церковь с выцветшей таб-

личкой «ВСЕ ДОБРО ПОЖАЛОВАНЫ» — «добро пожалованы» были написаны с ошибкой, но никто не исправлял её уже лет двадцать. Заколоченный магазин тканей, который пытались продать десять лет. И в самом конце — площадь с памятником погибшим в Гражданскую войну. Памятник был из серого гранита, солдат смотрел вдаль с выражением, которое Джек всегда интерпретировал как «я умер зря, но хотя бы в приличном костюме».

«У Эрни» стояла на углу Мейн-стрит и Второй улицы. Вывеска была неоновая, но буква «Э» перегорела ещё при Буше-младшем, поэтому заведение называлось «У рни». Эрни Говард, хозяин и единственный повар, говорил, что починит вывеску, когда найдёт время и подходящую лампочку. Он искал эту лампочку с две тысячи шестого года.

Джек припарковался и вошёл. Динь-динь. Колокольчик над дверью был единственным, что в этом заведении работало безотказно.

— Джек! — сказал Эрни от гриля. — Я уж думал, ты сегодня проспишь.

— С чего бы?

— Не знаю. Люди иногда спят. Это такая штука, когда закрываешь глаза и не двигаешься восемь часов.

— Я слышал об этом, — сказал Джек, садясь на третий стул у стойки. — Но у меня не было возможности попробовать.

Эрни засмеялся. У него был смех человека, который сме-

ётся над собственными шутками, потому что больше некому. Он налил кофе в старую чашку с трещиной у ручки и поставил перед Джеком. Через минуту на стойке появилась тарелка с яичницей, которую Джек не заказывал, но которая появлялась каждое утро сама собой. В этом был весь Эрни: он кормил город, который не мог его прокормить, и делал вид, что это ничего не стоит.

— Слыхал, — сказал Эрни, — Мэгги взяла нового помощника. Пацан из старшей школы. Томми Рэтклифф, сын Линды из аптеки. Хороший парень. Читает.

— Читает? — Джек поднял бровь. — В этом городе?

— Ну, он странный, — сказал Эрни так, будто «странный» и «читает» были синонимами. — В прошлом месяце взял у меня книгу, которую я ему дал, а потом пришёл и сказал, что там на странице сто сорок семь опечатка. Я говорю: «Томми, я эту книгу не читал, я её использовал как подставку под телевизор». А он мне: «Эрни, телевизор у тебя сломан с две тысячи двенадцатого». Вот. Умный.

Джек усмехнулся. Яичница была горячей, кофе крепким. На секунду — только на секунду — ему показалось, что жизнь в Харлоу не такая уж плохая. Может, это была та самая секунда, которую он потом вспоминал всю оставшуюся жизнь, когда всё пошло к чёрту. Может, это была просто секунда. Кто знает.

— Как Мэгги? — спросил он.

— Мэгги как Мэгги, — Эрни пожал плечами. — Ворчит.

Городской совет хочет урезать бюджет библиотеки. Четыре дня в неделю вместо пяти. Мэгги сказала, что если они урежут ей бюджет, она урежет им колёса. Я думаю, она не шутила.

— Она никогда не шутит.

— Вот именно.

Джек доел яичницу. Оставил на стойке пять долларов и ещё два под чашку — не потому что был щедрым, а потому что Эрни всегда делал вид, что не замечает, когда Джек платил меньше, чем следовало.

— Эрни, — сказал Джек, вставая. — Ты в порядке? Выглядишь уставшим.

Эрни посмотрел на него. У него были глаза человека, который видел слишком много зим и слишком мало весен.

— Сердце пошаливает, — сказал он. — Доктор говорит, надо поменьше соли и побольше отдыха. А я говорю: доктор, мне семьдесят лет. Если я буду отдыхать, я умру от скуки. Соль — это единственное, что меня ещё держит.

— Сходи к врачу.

— Схожу. В понедельник.

Понедельник был через три дня.

Джек вышел на улицу. Ветер усилился, и с клёнов на площади слетали листья. Он сел в машину и поехал в библиотеку.

Библиотека Харлоу была построена в тысяча девятьсот одиннадцатом году на деньги Эндрю Карнеги, который, ес-

ли верить исторической табличке у входа, «верил в силу знаний». Джек верил в силу кофе и в то, что в этом городе знания были в дефиците. Здание было из серого камня, с высокими окнами и колоннами. Внутри пахло старой бумагой, пылью и линолеумом — запах, который Джек когда-то считал запахом возможностей, а теперь считал запахом своей жизни.

Он открыл дверь ключом и вошёл. Свет включать не стал — в библиотеке было достаточно утреннего света из окон. Он прошёл мимо стеллажей с художественной литературой, мимо полки с биографиями, которые никто не брал, мимо стойки выдачи, за которой сидел, и открыл дверь в подсобку.

Ящик для возврата книг стоял у стены. Джек открыл его и начал вынимать книги. Обычно там было три-четыре штуки. Сегодня — шесть. Пять он знал: детектив Джеймса Паттерсона, любовный роман с обложкой, на которой женщина обнимала мужчину с обнажённым торсом, кулинарная книга, которую кто-то взял, судя по закладке, чтобы прочитать один рецепт, и две детские книжки с картинками.

Шестая книга была незнакомой.

Она была тонкой, в чёрной обложке, без названия на корешке. Джек открыл её. На первой странице — ни выходных данных, ни имени автора, ни ISBN. Просто пустая страница. Он перевернул. На второй странице было напечатано одно предложение, набранное шрифтом, который Джек не узнал — что-то среднее между «Гарамондом» и машинописным:

Эрни Говард. 14 октября. Сердце.

Джек закрыл книгу. Открыл снова. Текст был на месте.

Он посмотрел на календарь на стене. Сегодня было пятое октября.

До четырнадцатого — девять дней.

Джек стоял в подсобке, держа книгу в руках, и слушал, как в соседней комнате капает кран — тот самый кран, который Мэгги просила починить ещё в августе, а Джек всё забывал вызвать сантехника. Кап. Кап. Кап. Звук был ровный, спокойный, почти уютный. И где-то в глубине сознания Джека, в той части, которая помнила Бостон, расследования, ночные звонки и слова «мистер Мерсер, у нас для вас информация», что-то щёлкнуло.

Это не было шуткой. Шутки в Харлоу были другими. Шутки в Харлоу были про то, что миссис Пендлтон покрасила забор в цвет, который называется «рассвет в Тоскане», а получился цвет «пьяный лосось». Шутки в Харлоу не выглядели так.

Джек положил книгу на стол. Потом взял её снова и открыл на второй странице. Текст не исчез. Он не изменился. Он просто был.

— Чёрт, — сказал Джек вслух.

Кран капал. Где-то на улице проехала машина. Миссис Пендлтон, наверное, уже дошла до площади. Мир продолжал существовать, как будто ничего не произошло. Как будто в подсобке библиотеки имени Карнеги не лежала книга, в ко-

торой было написано, что Эрни Говард умрёт через девять дней.

Джек взял книгу с собой. Он не знал, зачем. Может, хотел показать Мэгги. Может, хотел найти объяснение. Может, просто не хотел оставлять её одну.

Он сел за стойку выдачи, положил книгу рядом с компьютером и посмотрел на неё. Чёрная обложка. Тонкий корешок. Никаких опознавательных знаков.

В девять тридцать пришла Мэгги. Она всегда приходила в девять тридцать, ставила сумку на стойку, говорила «Доброе утро, Джек, ты сегодня брился?» и уходила в свой кабинет. Сегодня она сказала:

— Доброе утро, Джек. Ты сегодня брился?

— Вчера, — сказал Джек.

— Это не ответ, — сказала Мэгги и посмотрела на книгу. — Что это?

— Нашёл в ящике возврата, — сказал Джек. — Нет ни автора, ни названия. Внутри — имя и дата.

Мэгги взяла книгу. Открыла. Прочитала. Её лицо не изменилось — ни бровь не дрогнула, ни губы не сжались. Но что-то в ней изменилось. Что-то, что Джек не смог бы описать, даже если бы очень старался. Это было как когда человек слышит звук, которого не должно быть, и делает вид, что не слышит.

— Где ты её взял? — спросила она.

— В ящике. Сегодня утром.

— Ты уверен?

— Мэгги, я открыл ящик и вынул книги. Эта была среди них. Я не мог её перепутать с Паттерсоном.

Мэгги закрыла книгу и положила её обратно на стойку. Её руки были спокойны, но Джек заметил, что она дважды сглотнула, прежде чем заговорить.

— Это чья-то глупая шутка, — сказала она. — Кто-то из подростков. Может, тот Рэтклифф. Он странный.

— Томми Рэтклифф читает книги, а не пишет их, — сказал Джек. — И он не стал бы шутить про Эрни. Эрни ему как дед.

— Тогда кто-то другой.

— Мэгги.

Она посмотрела на него. У неё были глаза человека, который знает больше, чем говорит, и который очень хочет, чтобы его не спрашивали.

— Джек, — сказала она. — Это Харлоу. Здесь все всех знают. Если кто-то написал такую книгу, мы найдём его к обеду. А пока — выбрось её. Или положи в ящик для потерянных вещей. У нас есть ящик для потерянных вещей?

— Есть, — сказал Джек. — Но я не думаю, что это потерянная вещь.

Мэгги взяла сумку и пошла к себе в кабинет. У двери она остановилась.

— Джек, — сказала она, не оборачиваясь. — Если ты найдёшь ещё одну такую книгу, не читай её. Просто принеси

мне.

— Почему?

— Потому что я так сказала.

Она закрыла дверь.

Джек сидел за стойкой и смотрел на книгу. Потом открыл её снова. «Эрни Говард. 14 октября. Сердце». Он подумал об Эрни, который сегодня утром сказал: «Соль — это единственное, что меня ещё держит». Он подумал о том, как Эрни жарил яичницу, как он фыркал, как он говорил «умный» про мальчика, который нашёл опечатку на странице сто сорок семь.

Джек закрыл книгу и убрал её в ящик стола. Он не выбросил её. Он не отдал её Мэгги. Он просто убрал её в ящик и сказал себе, что это чья-то глупая шутка, и что к обеду всё выяснится, и что в Харлоу не происходит ничего странного, потому что в Харлоу вообще ничего не происходит.

Он ошибался.

К обеду пришёл Томми Рэтклифф. Он был высоким, худым, с прыщами на подбородке и глазами, которые смотрели на мир с таким выражением, будто мир его немного разочаровал, но он готов дать миру ещё один шанс.

— Мистер Мерсер, — сказал он. — Мисс О'Доннелл сказала, что я могу помочь с расстановкой фонда.

— Отлично, — сказал Джек. — Полки с художественной литературой. Начни с «А» и иди до «Я». Если найдёшь книгу, которая стоит не на своём месте, поставь её на своё. Ес-

ли найдёшь книгу, которой вообще не должно быть, принеси мне.

Томми кивнул. Он взял тележку и ушёл в зал. Джек смотрел ему вслед и думал о том, что этот парень, наверное, единственный человек в Харлоу, который заметил бы книгу без названия на корешке.

Через двадцать минут Томми вернулся.

— Мистер Мерсер, — сказал он. — Я нашёл книгу. Она стояла между «Моби Диком» и «Мизери». Но она не наша. У неё нет номера.

Джек посмотрел на книгу в руках Томми. Чёрная обложка. Тонкий корешок.

— Дай сюда, — сказал он.

Он открыл её. На второй странице было напечатано:

Мэгги О'Доннелл. 2 ноября. Пожар.

— Чёрт, — сказал Джек.

— Что? — спросил Томми. — Что там?

Джек закрыл книгу.

— Ничего, — сказал он. — Просто книга. Поставь её на место. Я сам разберусь.

Томми не двинулся с места.

— Мистер Мерсер, — сказал он. — Я видел, как вы смотрели на первую книгу. Ту, что была в ящике. Вы выглядели так, будто увидели призрака.

— Я не верю в призраков.

— Я тоже, — сказал Томми. — Но я верю в книги. И я

знаю, что в этой библиотеке происходит что-то странное. Я работаю здесь три недели и уже нашёл четыре книги, которых нет в каталоге. Все в чёрных обложках. Все с именами.

Джек посмотрел на него. Потом на книгу в его руках. Потом снова на него.

— Садись, — сказал он. — Нам надо поговорить.

Томми сел.

Кран в подсобке капал.

Кап. Кап. Кап.

Глава 2. Блокнот в клетку

Томми положил блокнот на стойку между ними. Он был потрёпанный — обложка в кофейных пятнах, уголки загнуты, страницы торчат в разные стороны. Джек подумал, что такие блокноты бывают у людей, которые записывают всё подряд: номера машин, мысли в очереди, имена людей, которых потом не могут вспомнить. У Томми, судя по всему, было именно так.

— Я начал вести его в сентябре, — сказал Томми. — После первой книги. Я тогда подумал: если я не буду записывать, я сойду с ума. Или решу, что мне показалось. А если записывать, то можно проверить. Сравнить. Понять, что это не совпадение.

Он открыл блокнот на середине. Почерк был мелкий, аккуратный, почти печатный — как у человека, который старается писать красиво, но не уверен, что у него получается. Джек увидел колонки: дата, название, имя, дата в книге, что случилось. Последняя колонка была заполнена не везде — только там, где событие уже произошло.

— Первая, — сказал Томми, ткнув пальцем в страницу. — Двадцать третье сентября. Книга была в ящике возврата. Чёрная обложка, без названия. Внутри: «Барни Уолш. 26 сентября. Несчастный случай». Барни Уолш — это собака. Старый пёс мистера Харпера, из тех, что лают на всё, что

движется, но не кусают. Я знал Барни. Он был хороший. Он мне всегда руку лизал, когда я мимо проходил. Тёплым языком, знаете, как собаки делают. Я тогда подумал: ну, собака. Собаки старые бывают. Собаки умирают. Это нормально.

— И что случилось двадцать шестого?

— Барни убежал за мячом на дорогу. Его сбил грузовик. — Томми помолчал. — Мистер Харпер плакал. Ему семьдесят восемь лет, и он плакал прямо на улице, а миссис Пендлтон держала его за руку. Я это видел из окна библиотеки. Я тогда подумал — совпадение. Собаки убегают на дорогу. Это тоже нормально. Я закрыл блокнот и сказал себе, что я дурак.

Джек молчал. Кран в подсобке капал — кап, кап, кап, — и этот звук вдруг показался ему оглушительным. Он подумал о том, что этот кран капает уже три месяца, и он всё собирается вызвать сантехника, и всё не вызывает. Он подумал о том, что в жизни есть вещи, которые ты откладываешь, потому что они кажутся мелкими, а потом оказывается, что они были не мелкими, а просто тихими.

— Вторая, — продолжил Томми. — Тридцатое сентября. «Дороти Кейн. Инсульт». Миссис Кейн из дома престарелых. Я её не знал. Но я проверил в интернете. В «Харлоу Таймс» был некролог. Дата совпадала. Тридцатое сентября, четверг, в четыре пятнадцать утра.

— Ты уверен, что не путаешь?

— Мистер Мерсер, — сказал Томми терпеливо, — я за-

писываю всё в блокнот. Я не путаю. Я знаю, что написано в блокноте, и я знаю, что написано в газете. Это разные вещи, и они совпадают.

Джек посмотрел на блокнот. Потом на книгу, которую держал в руках — ту самую, про Мэгги. «2 ноября. Пожар». Он подумал о том, что Мэгги сидит в своём кабинете, в двух метрах от них, и не знает, что в книге, которую он держит, написано её имя. Или знает. Мэгги всегда знает больше, чем говорит.

— Третья? — спросил он.

— Третья была пустая, — сказал Томми. — Чёрная обложка, но внутри ничего. Ни имени, ни даты. Я подумал, что это брак. Что кто-то наклеил обложку на пустой блокнот и подсунул в библиотеку. А потом нашёл четвёртую. «Эрни Говард. 14 октября. Сердце». Это было вчера. Я хотел показать её мисс О'Доннелл, но она сказала, чтобы я перестал искать эти книги. Сказала, что это чья-то глупая шутка. И что если я ещё раз принесу ей такую книгу, она меня уволит.

— Она тебя не уволит.

— Она сказала, что уволит.

— Она говорит так уже двадцать лет, — сказал Джек. — Это её способ говорить «я беспокоюсь». Мэгги не умеет говорить «я беспокоюсь». Она умеет говорить «я тебя уволю» и «ты сегодня брился?».

Томми посмотрел на него с сомнением. Потом сказал:

— Мистер Мерсер, я не дурак. Я понимаю, что это звучит

как бред. Книги, в которых написано, кто умрёт. Если бы мне рассказали такую историю, я бы посмеялся. Но я не могу это игнорировать. Потому что если это правда, то Эрни умрёт через девять дней. И мисс О'Доннелл — второго ноября. А если это не правда, то кто-то тратит очень много времени и сил, чтобы пугать людей в библиотеке. И это тоже странно. И это тоже надо выяснить.

Джек положил книгу на стойку между ними. Чёрная обложка. Тонкий корешок. Никаких опознавательных знаков. Он подумал о том, что за три года работы в библиотеке он видел тысячи книг, и у каждой было что-то — имя автора, название, номер, хотя бы пятно от кофе. У этой не было ничего. Она была как человек без лица. Как письмо без подписи.

— Это не шутка, — сказал он. — Я не знаю, что это. Но это не шутка.

Томми выдохнул. Джек понял, что парень ждал этого подтверждения, наверное, с того самого дня, когда нашёл первую книгу. Может, он думал, что взрослые знают ответы. Может, он думал, что если рассказать кому-то, то всё встанет на свои места. Джек помнил это чувство. Он помнил, как в двадцать лет пришёл в редакцию «Глобуса» с блокнотом, полным заметок, и думал, что стоит показать их редактору — и всё сразу станет понятно. Редактор посмотрел на него и сказал: «Мерсер, у вас есть история, но нет конца. Идите и найдите конец». Джек тогда обиделся. Потом понял, что

редактор был прав.

— Что будем делать? — спросил Томми.

— Для начала, — сказал Джек, — мы не будем никому говорить. Пока. И мы найдём остальные книги. Ты сказал, что нашёл четыре. Где они?

— Две я положил в ящик для потерянных вещей. Одну — ту, про Эрни, — отдал вам. А четвёртую...

— Четвёртую?

— Четвёртая была пустая. Я оставил её на полке. Между «Моби Диком» и «Мизери». Там, где нашёл.

Джек встал. Стул скрипнул — та самая ножка, которую он подкручивал в прошлом году и так и не подкрутил как следует.

— Пойдём.

Они нашли пустую книгу там, где сказал Томми. Она стояла между Мелвиллом и Кингом, тонкая, чёрная, ничем не отличающаяся от двух других, кроме того, что внутри было пусто. Джек пролистал её всю. Ни имени, ни даты, ни даже точки. Просто пустые страницы, белые, гладкие, как будто ждали, когда на них что-то напишут.

— Странно, — сказал он.

— Что странно?

— Первые две были с именами. Третья пустая. Четвёртая, про Эрни, с именем. Пятая, про Мэгги, с именем. А эта — пустая. Как будто...

Он замолчал. Он не хотел говорить «как будто ждёт, когда

в неё что-то впишут», потому что это звучало бы безумно. Но Томми, судя по лицу, подумал то же самое. У мальчика было лицо человека, который уже сделал этот вывод и теперь ждал, когда взрослый подтвердит.

— Мистер Мерсер, — сказал он тихо. — А что, если эти книги не предсказывают смерть? Что, если они её... выбирают?

Джек не ответил. Он убрал пустую книгу в ящик стола, к первой, и закрыл его на ключ. Ключ был старый, с шершавой головкой, и он почему-то показался Джеку тяжелее, чем должен был быть.

Он подумал о том, что за три года в Харлоу он видел, как умирают люди. Не так, как в Бостоне — не в новостях, не в полицейских сводках, — а по-настоящему. Старик Гарольд Пибоди упал с лестницы. Миссис Крамер умерла от инсульта, и её пианино молчало три дня, пока соседи не поняли, что случилось. Мальчик Питер Харрис утонул в озере на Хэллоуин, и его искали до весны. Джек тогда только переехал, и Мэгги сказала ему: «В Харлоу люди уходят тихо. Так уж здесь заведено». Джек тогда подумал, что это красивая фраза. Теперь он думал, что это была не красивая фраза, а предупреждение.

Мэгги О'Доннелл сидела в своём кабинете. Кабинет был маленький, забитый книгами и папками, с окном, выходящим на площадь. На стене висела фотография: женщина лет сорока, с такими же глазами, как у Мэгги, и мальчик лет

двенадцати, худой, веснушчатый, с улыбкой, которая, казалось, вот-вот сорвётся с лица. Мальчик держал в руках книгу. Джек никогда раньше не обращал на эту фотографию внимания. Теперь обратил.

Он постучал.

— Входи, — сказала Мэгги, не поднимая головы от бумаг.

Он вошёл и сел напротив. Мэгги закончила писать что-то в журнале, закрыла его и посмотрела на Джека. На ней были очки в тонкой оправе, которые она носила только за столом, и свитер с оленями, который она носила каждую осень с тех пор, как Джек себя помнил.

— Ты не выбросил книгу, — сказала она. Не спросила — сказала.

— Нет.

— И ты поговорил с мальчиком.

— Да.

Мэгги откинулась на спинку стула. Она выглядела старше, чем утром. Может, это был свет, может, усталость, может, что-то ещё. За окном проехала машина, и на секунду её тень скользнула по стене, по фотографии, по лицу мальчика с книгой.

— Джек, — сказала она. — Я знаю, о чём ты думаешь. Ты думаешь: старая женщина что-то скрывает. Ты думаешь: надо копнуть. Ты был журналистом, это у тебя в крови. Но я прошу тебя: не копай.

— Почему?

— Потому что я уже копала, — сказала Мэгги. — Много лет назад. И я нашла то, что искала. И это не сделало меня счастливее.

Джек молчал.

— Моего брата звали Дэвид, — сказала она. — Дэвид О'Доннелл. Ему было двенадцать. В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году он нашёл в библиотеке книгу. Чёрную, без названия. Внутри было написано: «Дэвид О'Доннелл. 4 ноября. Вода».

Она замолчала. За окном залаяла собака — может, бигль миссис Пендлтон, может, кто-то другой. Джек ждал. Он умел ждать. Это было единственное, чему он научился в журналистике и что ещё работало в его жизни.

— Он утонул четвёртого ноября, — сказала Мэгги. — В озере. Ему было двенадцать. Лёд был тонкий, родители запрещали выходить на него, но он был мальчиком, а мальчики не слушают. Я была старше. Мне было семнадцать. Я должна была за ним присматривать.

— Мэгги...

— Я нашла эту книгу в его вещах после похорон, — сказала она. — И я пошла в библиотеку. Тогда библиотекарем был мистер Холлис, старый, с тростью. Я спросила его, что это. Он сказал: «Мэгги, иди домой». Я сказала: «Что это за книга?» Он сказал: «Это не книга. Это дверь. И если ты будешь стучаться, она откроется».

Мэгги посмотрела на фотографию на стене. Мальчик с

книгой. Веснушки. Улыбка.

— Я не стала стучаться, — сказала она. — Мне было семнадцать. Я была напугана. Я хотела забыть. И я забыла. На сорок лет. А потом, в две тысячи восемнадцатом, я стала главным библиотекарем, и в подвале, в старом шкафу, я нашла ещё одну книгу. И ещё одну. Они появлялись каждые несколько недель. Я стала их собирать. Прятать. Я думала, что если я буду держать их в одном месте, они перестанут появляться где-то ещё.

— Они перестали? — спросил Джек.

— Нет, — сказала Мэгги. — Но я перестала их читать. Я не знаю, чьи имена в них. Я не хочу знать. Потому что если я узнаю, я начну вмешиваться, а вмешиваться нельзя.

— Почему?

Мэгги посмотрела на него. В её глазах было что-то, чего Джек раньше не видел: страх. Настоящий, старый страх, который никуда не делся, который она носила с собой сорок лет, как носят в кармане острый камень.

— Потому что в семьдесят восьмом году, — сказала она, — после смерти Дэвида, в библиотеке появилась ещё одна книга. С моим именем. «Мэгги О'Доннелл. 12 ноября. Падение». Я увидела её и... я не знаю, что на меня нашло. Я вписала в неё другое имя. Имя мальчика из моего класса. Он был жестокий, он издевался над Дэвидом. Он смеялся, когда Дэвид утонул. Я вписала его имя. И двенадцатого ноября он упал с лестницы в школе и сломал шею.

Джек почувствовал, как у него холодеет затылок.

— Ты хочешь сказать, что книга позволяет...

— Я хочу сказать, что я убила человека, — сказала Мэгги. — Мне было семнадцать, и я убила человека, и с тех пор я не прикасалась к этим книгам. Я прячу их в подвале, я не читаю их, я не вмешиваюсь. Потому что каждый раз, когда вмешиваешься, кто-то умирает. Иногда тот, кто должен был. Иногда кто-то другой. Но книга всегда забирает своё.

Она открыла ящик стола и достала ключ. Тяжёлый, старый, бронзовый, с головкой в форме трилистника. Он выглядел так, будто им открывали двери, за которыми никто не хотел бы оказаться.

— Это ключ от подвала, — сказала она. — Там, в шкафу, тридцать одна книга. Я считала. Каждый раз, когда появляется новая, я кладу её туда. Я не знаю, что с ними делать. Я не знаю, как их остановить. Я просто... храню. Как хранят вещи, которые боятся выбросить.

— Мэгги, — сказал Джек. — В книге, которую я нашёл, твоё имя. «2 ноября. Пожар».

Мэгги посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я знаю.

— Ты знала?

— Я нашла её три дня назад. Я не стала её прятать. Я оставила её в ящике возврата. Я думала, может, кто-то другой найдёт её и... я не знаю. Может, я хотела, чтобы кто-то другой решил за меня. Может, я устала решать.

— Ты не можешь просто ждать, пока сгорит библиотека.

— Я не знаю, что сгорит, — сказала Мэгги. — Может, библиотека. Может, мой дом. Может, я. В книге написано «пожар», но не написано, где и как. И я не собираюсь вмешиваться. Потому что если я вмешаюсь, умрёт кто-то другой. А я уже убила одного человека. Второго я не выдержу.

Она положила ключ на стол. Он звякнул о дерево — тихо, как монета, брошенная в фонтан.

— Если ты хочешь копать, — сказала она, — копай. Но я тебя предупредила. И если ты полезешь в подвал, ты полезешь один. Я туда больше не спущусь. Я не открывала тот шкаф с тех пор, как нашла в нём книгу с твоим именем.

Джек взял ключ. Он был холодный.

— С моим именем? — переспросил он.

Мэгги не ответила. Она снова взялась за бумаги, и её лицо стало таким же, как всегда: спокойным, немного ворчливым, непроницаемым. Но Джек заметил, что пальцы у неё дрожат. Совсем чуть-чуть. Так, что это было видно только тому, кто знал, куда смотреть.

Джек вышел из кабинета с ключом в кармане. Томми ждал его у стойки, листая какой-то журнал. Он поднял голову.

— Ну что? — спросил он.

— Она знает больше, чем говорит, — сказал Джек. — Но она сказала правду. По крайней мере, часть.

— Какую часть?

— Ту, из-за которой у неё такие глаза.

Томми не стал расспрашивать. Может, он понял, что Джек не готов говорить. Может, он просто был умным мальчиком, который знал, когда надо помолчать. Они просидели несколько минут в тишине, и Джек поймал себя на том, что прислушивается к крану в подсобке. Кап. Кап. Кап. Как будто в библиотеке поселилось что-то, что отсчитывало время.

— Мистер Мерсер, — сказал наконец Томми. — Что мы будем делать с Эрни?

Джек посмотрел на часы. Было четыре. Эрни закрывал закусочную в пять.

— Я пойду к нему, — сказал он. — Поговорю.

— Скажете ему?

— Не знаю. Может быть.

— Если скажете, — сказал Томми, — он может не поверить. Или поверить. И тогда он будет ждать смерти. Каждый день смотреть на календарь и думать: осталось восемь дней. Семь. Шесть. Это хуже, чем не знать. Я думаю, это хуже.

Джек посмотрел на него. Шестнадцать лет. Прыщи. Блокнот в клетку. И глаза, которые видели слишком много для шестнадцати лет.

— Ты прав, — сказал он. — Но я не могу просто ничего не делать.

— Я знаю, — сказал Томми. — Поэтому я и записываю.

Вечером Джек пришёл в «У рни». Эрни вытирал стойку. В закусочной никого не было — только радио на полке играло кантри, и Эрни подпевал себе под нос, тихо, фальшиво, но с

удовольствием. Он всегда подпевал, даже когда не знал слов. Особенно когда не знал слов.

— Джек! — сказал он. — Ты сегодня поздно. Кофе?

— Давай.

Эрни налил. Джек сел на третий стул. Он смотрел на Эрни — на его руки, на его лицо, на то, как он двигался, как дышал. Он думал о том, что через девять дней этого человека не будет. Не будет его рук, его фырканья, его «соль — единственное, что меня ещё держит». И что он, Джек, сидит здесь и пьёт кофе, и ничего не делает.

— Эрни, — сказал он. — Ты в порядке? Правда?

Эрни посмотрел на него.

— Ты уже спрашивал утром, — сказал он. — Что-то случилось?

— Нет. Просто... ты выглядишь уставшим.

— Мне семьдесят лет, Джек. Я выгляжу уставшим с тысяча девятьсот восемьдесят пятого. Это не новость. Это моя жизнь.

Джек хотел сказать. Он открыл рот. И закрыл. Он подумал о словах Томми: «он будет ждать смерти». И он подумал о том, что если он скажет, Эрни может не поверить, и тогда он останется один со своей смертью, и никто ему не поможет. Или поверит, и тогда он проведёт последние девять дней, глядя на календарь.

— Эрни, — сказал он. — Если бы ты знал, что умрёшь через девять дней, что бы ты сделал?

Эрни перестал вытирать стойку. Посмотрел на Джека внимательно. В его глазах что-то мелькнуло — не страх, а что-то старше страха, что-то, что бывает у людей, которые прожили достаточно долго, чтобы понимать: вопросы иногда важнее ответов.

— Это вопрос из тех, что задают в церкви? — спросил он. — Потому что я не хожу в церковь, Джек. Я хожу на рыбалку.

— Это просто вопрос.

Эрни подумал. Он вытер руки о фартук — медленно, тщательно, как будто это было самое важное дело в мире. Потом сказал:

— Я бы позвонил своей дочери.

— Твоей дочери?

— Она уехала в две тысячи первом. В Бостон. Она не звонит. Я не знаю, жива ли она. Я не знаю, помнит ли она, что у неё есть отец. Я думаю об этом каждый день. Каждый день, Джек. Но я не звоню. Потому что боюсь услышать, что она не хочет со мной говорить.

Он усмехнулся. Усмешка была горькая, как кофе, который он варил.

— Я бы позвонил ей и сказал, что я её люблю. А потом я бы пошёл на рыбалку. И поймал бы самую большую рыбу в своей жизни. И съел бы её. С солью.

Он посмотрел на Джека.

— Соль, — сказал он. — Доктор говорит, мне нельзя соль. А я говорю: доктор, если я умру от соли, то умру счастливым.

Это лучше, чем умереть от скуки.

Джек допил кофе.

— Позвони ей, — сказал он. — Не жди.

Эрни посмотрел на него. Что-то в его глазах изменилось — может, он понял, что Джек говорит не просто так, а может, просто устал. Он взял тряпку и снова принялся вытирать стойку, хотя она была чистая.

— Может, и позвоню, — сказал он. — Завтра.

Завтра было через день.

Джек пришёл домой в девять. Он сидел на диване — на том самом, с продавленным пятном, — и смотрел в стену. В голове у него было слишком много мыслей, и все они были плохие.

Он думал о Мэгги, которая убила человека в семнадцать лет. О Дэвиде О'Доннелле, который утонул в озере. О тридцати одной книге в подвале. О пустой книге, которая ждала. О Томми, который записывал всё в блокнот, потому что не знал, что ещё делать. Об Эрни, который хотел поймать самую большую рыбу в своей жизни.

Он заснул на диване, не переодеваясь. Телевизор бормотал что-то про погоду — обещали заморозки, — и Джек даже не выключил его. Он просто закрыл глаза, и сон пришёл к нему сразу, как будто ждал за дверью.

И ему приснился сон.

Он стоял на льду озера. Лёд был тонкий, прозрачный, и под ним была вода — чёрная, как чернила. Он знал, что это

озеро. Он знал, что это Харлоу. Но он не узнавал берегов. Берега были другими — может, старше, может, просто чужими. На берегу стоял лес, тёмный и густой, и в лесу не было ни звука. Ни птиц, ни ветра. Тишина такая полная, что Джек слышал, как бьётся его собственное сердце.

Он сделал шаг. Лёд треснул — тонко, как стекло. Он сделал ещё шаг. Лёд треснул сильнее. Он посмотрел вниз.

Подо льдом было лицо. Не его. Чужое. Молодое, с веснушками. Мальчик с фотографии на стене Мэгги. Дэвид О'Доннелл. Он смотрел на Джека и улыбался. Улыбался так, как улыбаются люди, которые знают что-то, чего не знает никто другой.

А потом лёд провалился, и Джек упал в воду. Вода была ледяная, чёрная, и она заполнила его рот, нос, лёгкие. Он пытался всплыть, но лёд над ним был целым. Он бил руками, но лёд не ломался. Он кричал, но вода заглушала крик.

Он тонул.

Он тонул.

И где-то в глубине, в чёрной воде, кто-то сказал ему — не голосом, а как будто мыслью, которая не была его собственной:

Теперь ты можешь писать.

Он проснулся в четыре утра, мокрый. Волосы прилипли ко лбу, футболка была насквозь мокрая, как будто он действительно побывал в озере. Он сидел на диване и дрожал. Вода стекала с него на пол — капля за каплей, как из крана

в подсобке. Он посмотрел на свои руки. Они были мокрые. Он посмотрел на подушку — мокрая. Он посмотрел на пол — лужица.

Он встал, прошёл на кухню, выпил стакан воды. Потом ещё один. Потом сел за стол и просидел так до рассвета, глядя в окно, за которым октябрь медленно превращался в ноябрь, и думая о том, что теперь он знает, как это работает.

Он видел свою смерть.

Значит, теперь он может писать.

Глава 3. Тридцать одна

Утром шестого октября Джек проснулся в шесть сорок две — на минуту раньше будильника, как всегда, — и первым делом посмотрел на подушку. Она была сухая. Он потрогал волосы. Сухие. Он сел на край кровати и минуту смотрел на свои руки, как будто ждал, что с них начнёт капать вода. Ничего не капало.

Значит, это был просто сон. Просто сон, от которого потеет подушка и снятся утопленники. Бывает. Он читал про такое. Организм, стресс, подсознание — всё это объяснялось словами, которые Джек знал, но которые почему-то не помогали.

Он принял душ — горячий, почти кипяток, — и стоял под ним дольше обычного, как будто пытался смыть не грязь, а что-то другое. Потом оделся, выпил кофе на кухне, не пошёл к Эрни. Впервые за три года. Он сказал себе, что просто не голоден. На самом деле он боялся увидеть Эрни и снова ничего не сказать.

В библиотеку он приехал в восемь пятнадцать — раньше обычного. Библиотека открывалась в девять, но у Джека был ключ, и ему нужно было время. Он прошёл мимо стеллажей, не включая верхний свет, мимо стойки выдачи, мимо кабинета Мэгги, дверь в который была закрыта, и остановился у двери в конце коридора.

Дверь была старая, деревянная, выкрашенная в тот же зелёный цвет, что и стены, — так, что её почти не было видно. Джек стоял перед ней и держал в руке бронзовый ключ. Ключ был холодный, тяжёлый, и он почему-то казался тяжелее, чем должен был быть. Как будто в нём был вес того, что за дверью.

— Ладно, — сказал Джек вслух. Голос прозвучал глухо. — Ладно.

Он вставил ключ в замок. Замок повернулся легко, с одним щелчком, как будто ждал этого. Джек открыл дверь.

За дверью была лестница. Узкая, каменная, с железными перилами, которые, судя по ржавчине, помнили ещё Карнеги. Свет из коридора падал на первые три ступени, а дальше была темнота — густая, как вода. Джек нащупал на стене выключатель. Лампочка загорелась — тусклая, жёлтая, в железной сетке, — и осветила лестницу до самого низа.

Он начал спускаться. Ступени были стёртые посередине, как будто по ним ходили десятилетиями. Внизу пахло сыростью, пылью и чем-то ещё — старым деревом, может, или старой бумагой, или старым страхом. У Джека было чувство, что он спускается не в подвал, а в чью-то память, в которую его не приглашали.

Подвал был большой. Больше, чем Джек ожидал. Потолок низкий, трубы под ним, кое-где обмотанные старой тряпкой. Вдоль стен — полки с коробками, сломанные стулья, старый проектор, три чучела совы, покрытые пылью так, что они вы-

глядели как настоящие. В углу стоял шкаф.

Джек сразу его узнал. Он был из тёмного дерева, высокий, с двумя дверцами и замком, который выглядел старше самого шкафа. На дверцах были вырезаны какие-то фигуры — может, листья, может, птицы, а может, что-то, что Джек не хотел рассматривать слишком внимательно.

Он подошёл. Ключ от подвала был у него в руке, но замок на шкафу был другой — меньше, проще. Джек подёргал дверцу. Заперто. Он посмотрел на ключ в своей руке. Потом на замок. Потом снова на ключ.

— Ну конечно, — сказал он.

Он попробовал ключ. Он не подошёл. Замок был слишком маленький. Джек выругался шёпотом — в подвале ругаться вслух не хотелось — и огляделся. На полке рядом с шкафом стояла жестяная банка из-под кофе. Джек открыл её. Внутри были ключи. Много ключей. Маленькие, большие, ржавые, блестящие. Он перебрал их — на некоторых были бирки, на некоторых нет. На одной бирке было написано «от кладовки», на другой — «от гаража», на третьей — «не знаю».

Четвёртый ключ подошёл. Джек повернул его в замке, и дверца открылась с тихим скрипом, как будто шкаф вздохнул.

Внутри стояли книги.

Они стояли в три ряда, аккуратно, как солдаты на параде. Все в чёрных обложках. Все тонкие. Все без названий на ко-

решках. Джек насчитал тридцать одну. Мэгги не соврала.

Он взял первую. Открыл. На второй странице было напечатано:

Гарольд Пибоди. 3 июня 2019. Падение.

Джек знал Гарольда Пибоди. Точнее, знал о нём. Гарольд был стариком, который жил на Третьей улице и каждое утро ходил в магазин за газетой. В июне две тысячи девятнадцатого он упал с лестницы в своём доме и сломал шею. Джек тогда только переехал в Харлоу, и Мэгги рассказала ему эту историю как пример того, «как в нашем городе уходят люди». Она сказала: «Гарольд был хороший. Он всегда здоровался. Даже когда не знал тебя».

Джек поставил книгу на место. Взял следующую.

Элизабет Крамер. 14 сентября 2019. Инсульт.

Миссис Крамер. Учительница музыки на пенсии. Она умерла через три месяца после Гарольда. Джек слышал об этом в закусочной — Эрни рассказывал, что она до последнего дня играла на пианино, и что соседи слушали её через стену и думали, что это радио.

Третья книга.

Артур Гейл. 2 февраля 2020. Сердце.

Четвёртая.

Маргарет Хоу. 19 марта 2020. Пневмония.

Джек листал их одну за другой. Имена, даты, причины. Люди, которых он знал. Люди, о которых слышал. Люди, которых не знал, но чьи фамилии были знакомы — Харпер,

Кейн, Уолш. Собака Барни Уолш тоже была здесь, в отдельной книге, и Джек подумал, что это, наверное, должно его удивить, но почему-то не удивило. Если книга выбирает, кого забрать, она не обязана различать людей и собак. Может, ей вообще всё равно.

Он дошёл до конца ряда. Тридцать книг. Все с именами. Все с датами в прошлом. И одна — тридцать первая — стояла отдельно, в углу шкафа, прислонённая к стенке.

Джек взял её. Она была холоднее остальных. Он открыл её.

Джек Мерсер. 31 октября. Вода.

Он стоял в подвале, держа книгу в руках, и слушал тишину. В тишине было слышно, как где-то капает вода — может, труба, может, кран наверху, может, что-то ещё. Кап. Кап. Кап. Джек смотрел на своё имя, напечатанное шрифтом, который он не узнал, и думал о том, что до тридцать первого октября осталось двадцать пять дней. Двадцать пять дней — это много. Это почти месяц. Это достаточно, чтобы что-то придумать.

Или недостаточно.

Он закрыл книгу. Потом открыл снова. Текст был на месте. «Джек Мерсер. 31 октября. Вода». Он провёл пальцем по буквам — они были выпуклые, как будто напечатанные на старой машинке с сильным нажимом. Он подумал о сне. О льде. О Дэвиде О'Доннелле, который смотрел на него изпод воды и улыбался. Он подумал о том, что видел эту воду

раньше, чем увидел книгу. Что он знал. Что он всегда знал.

— Значит, вот как это работает, — сказал Джек вслух.

Голос в подвале прозвучал странно — приглушённо, как будто стены съедали звук. Джек закрыл шкаф, повернул ключ, положил его обратно в банку из-под кофе. Потом взял книгу со своим именем и сунул её за пазуху — под свитер, к груди. Она была холодная, и этот холод расползался по телу, как будто книга хотела, чтобы он её не забыл.

Он поднялся по лестнице, выключил свет, закрыл дверь и вернулся в коридор. В библиотеке было тихо. За окнами светало — серое, октябрьское, неохотное. Джек сел за стойку выдачи и положил книгу перед собой. Потом достал из ящика стола две другие: ту, что была про Эрни, и ту, что была про Мэгги. И пустую — четвёртую, которую нашёл Томми.

Четыре книги. Три имени. Одна пустая.

Джек смотрел на них и думал. Он думал о том, что Мэгги сказала: «Если ты вмешаешься, умрёт кто-то другой». Он думал о том, что Томми сказал: «Может, они не предсказывают смерть. Может, они её выбирают». Он думал о том, что сказал ему голос во сне — не голосом, а мыслью: «Теперь ты можешь писать».

Он открыл пустую книгу. Страницы были белые, гладкие, чуть шершавые на ощупь, как бумага в старых библиотечных книгах. Он провёл пальцем по первой странице и почувствовал, что она ждёт. Не так, как ждёт бумага, когда на ней собираются писать. А так, как ждёт дверь, когда в неё собира-

ются постучать.

Джек закрыл книгу. Убрал все четыре в ящик стола. Запер ящик на ключ — маленький, медный, который он носил на связке вместе с ключом от дома и ключом от машины. Потом сел и стал ждать девяти тридцати, когда придёт Мэгги.

Мэгги пришла в девять двадцать восемь — на две минуты раньше обычного. Это было первое, что насторожило Джека. Мэгги О'Доннелл не приходила раньше. Мэгги О'Доннелл была человеком, который делает всё в одно и то же время, потому что время — это единственное, что ещё можно контролировать.

Она вошла, поставила сумку на стойку, посмотрела на Джека и сказала:

— Ты был в подвале.

Это был не вопрос.

— Да, — сказал Джек.

Мэгги закрыла глаза. На секунду — только на секунду — её лицо стало другим: старым, усталым, испуганным. Потом она снова надела своё обычное выражение — то, с которым она говорила городскому совету, что библиотека — это не «место, где можно бесплатно погреться», а «культурный центр».

— И что ты нашёл? — спросила она.

— Тридцать одну книгу. Тридцать с именами. Одну с моим.

Мэгги молчала. Она стояла и смотрела на него, и Джек

видел, как она борется с собой — с желанием сказать правду и с желанием промолчать. Он знал это чувство. Он сам жил с ним три года.

— Ты знала, что там моё имя, — сказал Джек. — Ты сказала это вчера. Ты знала.

— Я нашла её две недели назад, — сказала Мэгги. — Я не стала её читать. Я просто увидела твоё имя на второй странице и закрыла. Я не хотела знать дату.

— Двадцать пятое октября? — спросил Джек. — Или тридцать первое?

Мэгги посмотрела на него.

— Ты прочитал.

— Да.

— И что там написано?

— Тридцать первое октября. Вода.

Мэгги села на стул у стойки — медленно, как будто у неё болели ноги. Она смотрела на Джека, и в её глазах было что-то, чего он не ожидал: не страх, не жалость, а что-то вроде облегчения.

— Тридцать первое, — сказала она. — Это Хэллоуин. В Харлоу на Хэллоуин всегда что-то происходит.

— Что происходит?

— В две тысячи девятнадцатом, — сказала Мэгги, — в Хэллоуин утонул мальчик. В озере. Ему было четырнадцать. Его звали Питер Харрис. Он пошёл на лёд по спору — с друзьями, на желание. Лёд был тонкий. Он провалился. Друзья

пытались его вытащить, но не смогли. Они были пьяные. Им было по четырнадцать, и они были пьяные, потому что в этом городе все пьют с четырнадцати лет, включая меня, включая тебя, включая всех.

Джек молчал. Он думал о Питере Харрисе — мальчике, которого он никогда не видел, но чья мать до сих пор ходит в церковь каждое воскресенье и ставит свечку. Мэгги рассказывала ему об этом в первый год, когда он приехал. Она сказала: «Она не говорит ни с кем. Она просто ставит свечку и уходит». Джек тогда подумал, что это самая печальная вещь, которую он слышал за долгое время. Теперь он думал, что это была не самая печальная вещь. Самая печальная вещь была в том, что это повторялось.

— В две тысячи четвёртом, — сказала Мэгги, — в Хэллоуин утонула женщина. Миссис Догерти. Она была пьяная, пошла к озеру ночью, поскользнулась на берегу. В тысяча девятьсот девяносто первом — мужчина. Рыбак. Он утонул в лодке, хотя был трезвый и умел плавать. Никто не понял, как это случилось.

— Ты хочешь сказать, что это не совпадение.

— Я хочу сказать, что озеро в Харлоу забирает людей каждые несколько лет, — сказала Мэгги. — И всегда в конце октября. И всегда — воду. Может, это книги. Может, это что-то другое. Но я знаю одно: если в книге написано «вода», это значит озеро. И это значит, что тридцать первого октября ты будешь там.

Джек посмотрел на ящик стола. На ключ в замке. На свои руки.

— Я не собираюсь тонуть, — сказал он.

— Никто не собирается, — сказала Мэгги. — И всё равно тонет.

В полдень пришёл Томми. Он вошёл с рюкзаком, с блокнотом под мышкой, и с лицом человека, который всю ночь не спал и думал. Джек узнал это лицо, потому что видел его в зеркале.

— Мистер Мерсер, — сказал Томми. — Я кое-что нашёл.

Он положил на стойку блокнот, открытый на новой странице. Там был список — аккуратный, в столбик, с датами и названиями.

— Я ходил в городскую библиотеку, — сказал он. — В смысле, в архив. Там есть старые газеты. «Харлоу Таймс» за сто лет. Я искал упоминания о смертях в конце октября. Вода. Озеро. И ещё я искал упоминания о книгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.